

ГЛАВА 1

КАК БЫЛ НАЙДЕН МАНУСКРИПТ

В самом сердце западной Ирландии находится небольшая деревушка с названием Крэйтен. Она расположена обособленно от всех других деревень у подножия невысокого холма. Вокруг нее, куда ни посмотри, простирается абсолютно непригодная для обитания пустошь. То тут, то там на унылом пустыре через большие промежутки попадаются руины давно брошенных домов без крыш, пустые и насквозь продуваемые промозглыми ветрами. Вся эта территория на огромное расстояние вокруг лишена всякой полезной растительности и не заселена. Почва здесь встречается только местами — она слегка прикрывает горную породу и камни, коих разбросано повсюду великое множество. Возникает впечатление, что эти камни словно растут из земли — в иных местах они собраны грудями, формируя своего рода волнообразные изгороди.

Тем не менее, несмотря на то что место это выглядело покинутым и заброшенным, я и мой друг Тоннисон решили провести отпуск здесь. Он совершенно случайно наткнулся на этот уголок годом раньше, во время длительного туристического похода, и к тому же обнаружил поблизости, на окраине самобытной деревеньки, мелкую безымянную речушку — прекрасное место для увлекательной рыбалки.

Ни на одной карте, какую я бы ни посмотрел перед нашим путешествием, не было обозначено ни реки, ни деревни. Выходило так, будто их совсем никто не заметил, хотя вполне вероятно и то, что составителей

путеводителей, рассчитанных на обывателя, этикие достопримечательности абсолютно не интересовали. Возможно, отчасти этот факт удастся объяснить тем, что ближайшая железнодорожная станция, Ард-Рахинь*, находится от них в сорока милях.

Стоял ранний, теплый вечер, когда мы с Теннисоном добрались до Крэйтена. Мы приехали в Ард-Рахинь накануне ночью и сняли себе комнату в гостинице при деревенской почте, чтобы отоспаться. На следующее утро нам свезло арендовать типичный ирландский кабриолет, с большим трудом вместивший нас двоих.

Весь день мы потратили на то, чтобы добраться до нужного места по одной из самых труднопроходимых проселочных дорог, какую только можно представить. В результате мы были совершенно измотаны, и настроение наше изрядно подпортилось. Однако сначала нам требовалось поставить тент и перенести под него свои вещи, а уж думать о пище и отдыхе — потом. Заручившись помощью нашего извозчика и засучив рукава, мы принялись за работу — и вскоре на небольшой полянке на берегу реки, сразу за деревней, уже стояла наша палатка.

Затем, перенеся свои вещи, мы отпустили нашего помощника, поскольку он очень спешил домой, и велели ему приехать за нами через две недели. С собой мы захватили достаточно провизии — ее должно было вполне хватить на этот промежуток времени. Воду мы собирались брать из реки. Дрова нам не требовались, так как с собой мы захватили переносную керосиновую плитку. К тому же погода стояла теплая, просто замечательная.

Идея поставить палатку, вместо того чтобы остановиться в одном из домов в деревне, целиком принадлежала Тоннисону. Как он говорил, сложно представить

* Ард-Рахинь (*ирл.* Ard Raithin, *букв.* «Высокая круглая крепость») — деревня в Ирландии, в графстве Голуэй (провинция Коннахт). — *Здесь и далее — примеч. переводчиков, если не указано иное.*

отдых кошмарнее, чем в одной огромной комнате с целой семейкой здоровенных ирландцев в одном углу и свиньями в другом.

— Над головой, примостившись на насесте, кудахчет и гогочет целая колония всякой домашней птицы, непринужденно испражняясь на кого Бог пошлет, а вся изба занавешена торфяным дымом, — живописал он. — Не продохнешь, глаза слезятся, сам чихаешь, и потому приходится время от времени бежать к двери — высунуть на улицу голову, глотнуть свежего воздуха.

К этому времени Тоннисон уже успел разжечь плитку и нарезал бекон полосками, собираясь разложить его на сковороде. Я взял чайник и спустился к реке набрать воды. По пути я повстречался с небольшой группой сельчан, глазевших на меня с неприкрытым любопытством, но без обычного в подобных случаях недружелюбия. При этом никто из них и слова не произнес.

Когда, набрав полный чайник воды, я уже возвращался обратно, я подошел к ним и после обмена дружелюбными кивками как бы между прочим спросил о рыбалке — какая здесь ловится рыба, хорошо ли клюет. Вместо ответа они молча покачали своими головами и уставились на меня. Я повторил вопрос, главным образом обращаясь к долговязому парню, стоявшему ко мне ближе всех, и опять в ответ я не услышал ни слова. После этого долговязый повернулся к спутникам и что-то быстро произнес на языке, непонятном мне. В тоже мгновение вся компания начала тараторить без остановки, и я понял, что они говорят на чистом ирландском. Все это время они постоянно посматривали в мою сторону. Где-то с минуту они говорили между собой, потом парень, с кем я до этого пытался общаться, повернулся ко мне лицом и что-то произнес. По его выражению я понял, что он тоже задал вопрос — только теперь мне пришлось покачать головой в знак того, что я ничего не понял. Какое-то время мы стояли и смотрели друг на друга, пока я не услышал, как

Тоннисон зовет меня быстрее возвращаться с чайником. Улыбнувшись на прощание и еще раз кивнув, я оставил этих людей стоять на берегу, а в ответ вся компания заулыбалась и начала кивать головами, хотя их лица выдавали недоумение и замешательство.

«Дело ясное, — думал я, возвращаясь к нашей палатке, — аборигены, прозябающие в этой мелкой деревушке, оторванной от цивилизации, ни слова не понимают по-английски». Когда же я рассказал Тоннисону о встрече с местными жителями и о том, что я не смог с ними ни о чем поговорить, он мне ответил, что его этим не удивить. И более того, добавил он, подобное явление не является чем-то из ряда вон выходящим для этой части нашей страны, где люди рождаются и умирают в изолированных поселках, не вступая ни в какие контакты с цивилизованным миром.

— Эх, нужно было, чтобы наш возникший нам сначала перевел то, что они говорят, а потом ехал обратно, — сказал я перед тем, как нам садиться за стол. — По-моему, местным жителям не особенно нравится, когда в их места незнамо с какой целью приезжают чужаки.

Тоннисон что-то пробурчал себе под нос, в знак согласия.

Позднее, заморив червячка, мы решили обсудить наши планы на следующий день. Мы вышли на улицу покурить, а затем вернулись, закрыли откидную створку двери палатки и приготовились спать.

— Надеюсь, мы снаружи ничего не оставили, а то как бы местные не стащили? — спросил я, когда мы уже спрятались под одеялами.

Тоннисон сказал, что вряд ли у нас будут что-нибудь воровать — по крайней мере, пока мы находимся рядом. Он предложил спрятать все в дорожный сундук, взятый с собой для провизии — разумеется, все, кроме палатки! — и запереть его. Эта идея мне понравилась, и вскоре мы заснули.

На следующее утро мы встали рано и пошли купаться на реку, потом оделись и пошли завтракать. После завтрака мы достали рыбацкое снаряжение и стали внимательно его осматривать. Весь этот день мы рыбачили, поднявшись выше по течению, причем клев отмечался замечательный. К вечеру у нас собралась здоровенная плетеная корзина, вся полная рыбы до самого верха, — такое не каждый раз увидишь! Вернувшись к своей палатке, мы приготовили отличный обед из улова, потратив на это весь день. Отобрав несколько самых приличных с виду рыб для завтрака, всю оставшуюся в корзине рыбу мы предложили местным ребятам, кучкой сидевшим на почтительном расстоянии от нашей стоянки и с любопытством наблюдавшим за тем, что мы делаем. Сначала они очень удивились, но потом обрадовались и начали городить горы до небес на своем чудном языке. Ирландская благодарность, что и говорить, звучала мудрено.

Так мы провели несколько дней. Волчий аппетит помогал нам быстро разделываться с нашей добычей. Мы сильно обрадовались, когда поняли, что местные ребята перестали видеть в нас врагов и стали относиться к нам по-дружески и теперь нам не стоит опасаться за сохранность своих вещей во время нашего отсутствия.

Был вторник, когда мы приехали в Крэйтен, а уже в ближайшее воскресенье мы сделали великое открытие. До этого времени мы поднимались только вверх по течению реки, но почему-то в этот день на нас вдруг что-то нашло, поэтому мы решили отложить свои удочки, прихватить немного провианта и отправиться исследовать противоположное направление. День стоял теплый, и мы лениво плелись вниз по реке; остановились только около полудня для того, чтобы немного перекусить. Столом нам служил большой плоский камень, лежащий на берегу. После обеда мы сели в сторонке и закурили, и возобновили наше путешествие не более чем для того, чтобы, устав от безделья, размять свои ноги.

Наверное, около часа мы продолжали идти вперед, при этом всю дорогу болтая то об одном, то о другом. Иногда мы останавливались, чтобы мой попутчик — а он, признаться, был немного художником, — успел наспех набросать живописный уголок дикой природы, произведший на него сильное впечатление.

А затем, без какого-либо предупреждения или малейших на то намеков, река, вдоль которой мы шли и на чье русло столь уверенно полагались, неожиданно пропала, а точнее — ушла под землю.

— Ну и дела! — присвистнул я, провожая течение взглядом, а затем повернулся и посмотрел на Тоннисона. Он тоже с изумленным видом таращился на то место, где, по его соображениям, должен был плескаться бурный поток. Немного помолчав, он произнес:

— А давай немного пройдем вперед — может быть, речка снова появится. Да и вообще, интересно же узнать, что там такое.

Я согласился, и мы отправились дальше, не имея определенной цели: мы просто не знали толком, куда идти. Так мы прошагали примерно с милю, затем Тоннисон, постоянно с любопытством оглядывавшийся по сторонам, остановился и приложил ладонь козырьком ко лбу.

— Смотри! — вскоре сказал он. — Похоже, там какой-то туман или что-то в этом роде. Видишь — правее, чуть поодаль, на одном уровне с огромной горой? — И он показал рукой.

Я посмотрел в ту сторону и через минуту заметил какую-то дымку.

— Что-то неясное... Не обманывают ли нас глаза?

— А какая разница? — озорно спросил мой друг. — Мы как раз идем в ту сторону, так что узнаем, когда подойдем поближе. — Он решительно шагнул вперед, и мне оставалось лишь последовать его примеру. Мы прошли мимо кустов, потом поднялись на высокий и весь усыпанный валунами склон оврага, а с него посмотрели

вниз — на бурно разросшиеся у подножия кусты и деревья.

— Похоже, мы наткнулись на оазис в каменной пустыне, — заметил Тоннисон, чей взгляд застыл на одном объекте. Примерно в центре заросшей лесом ложбины, высоко в неподвижном воздухе, застыла сплошь окутанная туманной дымкой колонна из пенящихся брызг, фонтаном взлетающих вверх. Над kloкочущим водяным столбом ярко светил диск солнца, заставляя его сверкать и переливаться всеми цветами радуги.

— Красота-то какая! — воскликнул я.

— Красота, — в задумчивости повторил Тоннисон. — Наверное, там водопад или еще что-нибудь в этом духе. Знаешь что? Думаю, это наша река опять выглянула на свет божий. Пошли, посмотрим.

Мы спустились вниз по пологому склону и вошли напрямиком в гущу зарослей. Кусты цеплялись за нас ветками и не давали проходу, а над нашими головами нависали кроны высоких деревьев, поэтому в самой чаще было довольно темно и прохладно. Впрочем, даже несмотря на густой сумрак, от меня не мог укрыться тот факт, что многие из растущих здесь деревьев были фруктовыми. К тому же то тут, то там можно было заметить признаки давно проводимой культивации. Тут меня осенила догадка, что мы забрались в дебри брошенного, давно заросшего сорняками сада. Своими соображениями я поделился с Тоннисоном, и он согласился:

— Старый сад? Вполне может быть!

Но каким же все-таки диким было это место, мрачным и жутким! Мы продвигались вперед, и гнетущий сплин, царивший здесь, пронимал меня все сильнее. Человеку с ярким воображением в такой непролазной чащобе могли померещиться чудовища, скрывающиеся среди переплетенных ветвей. Наверное, место и впрямь являлось отчасти *чудовищным* — сам воздух был насыщен чем-то необъяснимым, неведомой силой, вызывающей суеверный

страх. Мне кажется, что и Тоннисон ощущал то же самое, но предпочитал молчать.

Внезапно мы остановились. С большого расстояния, сквозь гущу деревьев, до наших ушей доносился какой-то приглушенный звук. Тоннисон подался вперед и прислушался. Теперь я уже мог более четко определить, что это был за звук: непрерывный, резкий — что-то вроде монотонного гудения, слышимого издалека. Странное и необъяснимое чувство волнения охватило меня. Где мы оказались? Я посмотрел на своего приятеля, желая узнать, что он думает по этому поводу, но кроме недоумения и замешательства ничего не увидел на его лице. Вдруг я заметил, как выражение осознания происходящего сменило удивление и обескураженность. Он кивнул, как бы в знак подтверждения своим догадкам.

— Да это же водопад! — с убеждением в голосе воскликнул он. — Я это понял по звуку. — Сразу вслед за этим он начал решительно пробираться сквозь заросли, ориентируясь на отдаленный рокот.

По мере того как мы продвигались вперед, звук становился все более отчетливым, и благодаря этому мы могли определить, что идем прямо на него. С каждым нашим шагом он становился все громче и громче, пока мне не начало казаться — о чем я поспешил сообщить Тоннисону, — что ревет и грохочет уже прямо под нашими ногами. При этом мы все так же находились в самой чаще, среди деревьев и кустов.

— Будь осторожен! — предупредил меня Тоннисон. — Смотри под ноги. — Затем, ни с того ни с сего, деревья кончились, и мы вышли на довольно просторную террасу. Впереди, менее чем в шести шагах от нас, зияла глубокая пропасть, откуда и доносился грохот, поднимающийся из бездны вместе с водяными брызгами, с вершины оврага так похожими на туман.

С минуту мы молча стояли в замешательстве и созерцали величие развернувшейся перед нашими глазами

картины. Мой друг очень осторожно попытался подойти к самому краю обрыва. Я последовал за ним, а когда оказался рядом, мы вместе уставились вниз, сквозь кипящую пену гигантского водопада, туда, где клокотала разбушевавшаяся стихия, разбиваясь о камни и в неистовой злобе плюясь сверкающими брызгами. Капли летели во все стороны, не доставая до края пропасти примерно сотню футов.

— Святый Бог! — воскликнул Тоннисон.

Потеряв дар речи от потрясения, я смотрел вниз. Вид был настолько грандиозным и ошеломляющим, что становилось не по себе, и я опять ощутил присутствие потусторонней силы, отчетливое и жуткое. Однако та причина, почему меня вдруг ни с того ни с сего охватил суеверный страх, стала ясна мне позже.

Я поднял глаза и бросил взгляд через пропасть на другую сторону. Сквозь облако тумана я увидел на том берегу очертания, больше всего напоминавшие руины большого строения, и тогда я прикоснулся к плечу Тоннисона. Встрепенувшись, он начал озираться по сторонам, в тот момент я показал ему пальцем на то, что привлекло мое внимание. Лишь только искомый объект попал в поле зрения, его глаза загорелись от интереса.

— Пошли туда, — громко крикнул он, пытаясь заглушить рев водопада. — Нам точно нужно посмотреть, что это за руины. Я нутром своим чувствую, здесь чем-то интересным пахнет. — И он пошел в обход по самому краю кратера. Когда мы уже почти добрались до того места, я понял, что первое впечатление меня не обмануло. Это действительно была часть разрушенного строения, но теперь я увидел, что она находилась не на самом краю пропасти, как показалось сначала, а на огромном уступе, выдававшемся над бездной на пятьдесят или шестьдесят футов вперед. Если быть точнее, довольно большой кусок этих покосившихся и щербатых развалин фактически висел в воздухе.

Подойдя к ним с заднего фасада, мы зашли на уступ, и я должен признаться: у меня от страха все поджилки затряслись, когда с той головокружительной высоты я случайно глянул вниз и не увидел дна. Из глубины до меня доносился грозный рокот бесконечно падающей воды, а до пелены из водяной пыли, поднимающейся вверх, казалось, можно было дотянуться рукой.

Подобравшись к руинам, мы осторожно забрались внутрь — и в дальней их части наткнулись на груды, состоящую из камней, разрушенной каменной кладки и щебня. Когда сегодня я начинаю вспоминать все до мельчайших подробностей, я больше склоняюсь к тому, что эти руины были частью внешней стены какого-то гигантского здания, потому что они были мощными, толстыми и прочными, как говорится, сложенными на века. При этом я пытаюсь представить, какая катастрофа должна была произойти, чтобы все это оказалось в таком состоянии. Неизвестно также, куда подевалась остальная часть дома или замка.

Выйдя с территории руин, я подошел к стене с внешней стороны, а оттуда сумел добраться до самого краешка обрыва, оставив Тоннисона сосредоточенно копать в грудах щебня снаружи, у стены. Там я решил исследовать поверхность грунта, находящегося на самом краю бездны, с целью определить, не осталось ли в нем каких-либо подтверждений тому, что здесь раньше стоял дом. Если и стоял, от него, по всей очевидности, остался лишь данный фрагмент развалин. Хотя я и исследовал почву со всей внимательностью, на какую только способен, я не смог найти ни одного признака, указывающего на то, что здесь, на краю пропасти, когда-то стояло чье-то жилье. Тут я услышал, как Тоннисон зовет меня. Захлебываясь от волнения, он во все горло кричал мое имя. Огибая скалистый выступ, я, не мешкая, поспешил к развалинам. Сначала я подумал, что он куда-то упал или обо что-то порезался, но потом сообразил, что ему, скорее всего, попалась интересная находка.